Не было заботы…

Прекрасное Далёко - 3

Максим Андреевич Далин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О страсти и мести.

- Макс Далин
  - ○

Макс Далин
Не было заботы…

…Он, в общем, ей не ровня был…

В. Высоцкий

Всё началось с того, что я нашёл мозг.

День у меня тогда выдался тяжёлый. Мы с Дэном получали долг с одной шарашкиной конторы по переборке нейристорных схем; владелец не хотел отдавать, и вышло что-то вроде гладиаторского поединка.

У него в личной охране оказались генномодифицированные. С генами акул, ага. Пока мы с ними разбирались, один откусил Дэну средний палец на правой руке, а об морду второго я себе кулак содрал до железки. Но, когда их босс начал верещать, что мочить его людей у нас прав нету, Дэн сказал, что за ублюдков он может и в тюрягу загреметь: модифицировать людей генами опасных хищников запрещает уголовный кодекс.

Этот убогий ещё вякнул, что наш босс тоже держит модифицированных волкодавов, но Дэн, который последнее время постоянно ползал по сайтам с юридическом ликбезом, осклабился и сказал, что одно дело — модифицировать пса человечиной, а другое — человека акулятиной.

Так что тот типчик отдал деньги и заткнулся. А я подумал, что наш босс явно умнее ихнего и умеет обходить законы на раз и легально.

Мы с Дэном расстались около нашего офиса. Дэн деньги понёс, а я хотел сходить к девочкам. Дэна без толку звать с собой — он верный. Он ведь почему всякую юридическую суету читает? Он хочет на Миде жениться, с лимузином, мэрией и обручальными кольцами, и придумывает, как это может сделать парочка официально несуществующих типов, нелегально апгрейженных до боевых машин.

Счастливчик. А у меня никогошеньки нет.

Я пошёл в одно местечко. Оно славится тем, что на вывеске написано: «Здесь вы не встретите трансформов, некроморфов и андрогинов! Только женщины, только природа, только любовь!» Рекламный трюк, конечно, но звучит хорошо.

Правда, я тут как-то познакомился с одной, очень миленькой,

такой бледной матовой брюнеточкой, которая была почти как настоящая, даже электроники у неё внутри я совсем не чувствовал. Думал, она всё время зябнет, заказал ей кофейку кружечку, а она об неё ручки грела, но пить — ни-ни. Уже у неё дома, когда к ней в холодильник заглянул, грешен — глоток энергетика искал — увидел, что там ни кусочка еды, а сплошь капсулы с цереброконсервантом и канистра с формалином на нижней полке. Ага. А говорят, некроморфов у них нет!

Но, по мне, всё-таки лучше свидание с мёртвой девушкой, чем с живым мужиком, даже если к нему приделан фирменный дамский бюст.

Ну так вот.

Я уже подходил к этому заведению, и вдруг вижу: около стенда информационной директории с выходом в глобальную Сеть, на лавочке, стоит чёрный такой контейнер, типа чемоданчика. В таких обычно возят биоматериал. Индикатор мигает зелёным — то есть, годный продукт внутри. А вокруг никого.

Я взял контейнер со скамейки и говорю:

— Народ, чьи потроха?

Никто не отзывается. Да и нет никого, пустая улица, можно сказать — только какое-то существо с синими кудрями походя хмыкнуло, и отхлебнуло из баночки, и дальше пошло. Я, тем временем, контейнер рассматриваю и вижу: нет на нём официальной голографической бирочки Лиги Трансплантаций или Института Клонирования. Незаконные потроха-то.

И меня попутал бес.

Раз они всё равно краденые, то с чего это я ворюге буду возвращать его имущество? А вдруг там, думаю, печень? Новенькая? Или ещё какая-нибудь ценная штуковина? Да хоть бы даже и кожа — тоже очень неплохо. А сердце или лёгкие, думаю, толкну кому-нибудь. Хар-рошие деньги стоят.

Короче говоря, в клуб я не пошёл, а пошёл себе домой с контейнером под мышкой. А сам думаю: если там печень — можно будет ещё лет семь ни о чём дурном не думать, а если что продажное — куплю себе на деньги от сделки инфракрасное зрение и новый движок в локоть. А на оставшиеся буду гулять целый месяц, так что небу станет тошно.

Пришёл домой, выключил окна, выключил все системы безопасности, взял шуруповёртик — и снял с контейнера верхнюю крышку. Мысленно потирая руки. А там, за прозрачной заслонкой — мозг.

Мозг!

Да ещё и не замороженный. Плавает в питательном растворе,

подключён к системам жизнеобеспечения. Ну вот не ё-моё, а?

Я ногой стул придвинул — сел. И смотрю на этот мозг. Нет, какая засада…

Я-то уж навоображал… Мозг ты фигу продашь, если только за сущие гроши, как нейронную массу. Это — с одной стороны. А с другой — это ж личность чья-то! Кому-то башку вскрыли, мозг достали… Радетели мои, неужели же нарочно на лавочке оставили?!

Ни фига се — способ сводить счёты!

Мне что-то вдруг стало так жалко этого мужика, чей мозг — хоть плачь просто. Хоть бы заморозили, гниды! А так — он же, может, и не в коме. Он, может, что-то себе думает. Ничего хорошего он, конечно, в таком виде думать не станет — но ведь страшно-то как! Не только без рук, без ног — ещё и без глаз, без ушей. В чемодане. Небось, смерти запросишь.

Криминальные разборки, сто пудов. Такой, как я, небось. Разонравился хозяевам — черепушку распилили и привет. То-то же на контейнере бирочек не было. Насолил кому-то бедолага. Уж лучше бы просто шлёпнули, чем так изощрённо…

Нет, думаю, я всё-таки человек, хоть и бывший. Проще всего, конечно, этот мозг вытряхнуть из контейнера, чтоб добить — но я, оказывается, не могу добить мозг. Будь он целым мужиком, вооружённым хоть деструктором, да хоть бы и атомной пушкой, я бы его уконтрапупил в лучшем виде — а беззащитный мозг не могу. Рука не поднимается.

А в ухо будто кто нашёптывает: может, у него тело свистнули? Ну, понравился кому-нибудь из власть имущих паразитов его крепкий организм — и фьють! Макнуть, говорит, с наибольшей кротостью, без пролития крови. Может, он красавец был. Здоровяк. Целиком натуральный. А стырила его мясо какая-нибудь старая развалина, морда пластмассовая, требуха на одной электронике держится, и кардиостимулятор старой модели всех током бьёт, кто поближе подсунется.

Гадость такая.

Ну, я включил окно, чтоб лучше думалось, и вызвал Дэна по видео. Хотелось с другом посоветоваться.

Он с постели вскочил, а постель затемнил, чтобы я на Мидины прелести не любовался. Ревнивец, подумаешь.

— Что, — говорит, — тебе от порядочных людей надо среди ночи?

— Слушай, — говорю, — тут такое дело… В общем, я мозг нашёл. Бесхозный. И криминальный, вдобавок.

— Бру-ха-ха, — ржёт. Идиот. — Возьми себе, классная вещь. Тебе давно не хватало.

— Дубина ты, — говорю. — Я же серьёзно. Живой мозг. Функционирующий. Прикинь?

Нет, не успокоиться ему!

— Ум, — гогочет, — хорошо, а два — лучше! Запихай в свой пустой черепок! И будет у тебя функционирующий, наконец, вместо того, что есть!

Остряк-самоучка! Я его уже убить был готов, но тут Мида вмешалась. Появилась виртуально в моей берлоге, в розовом халатике, с сочувственной миной. Похорошела, надо сказать, за последнее время. Уже не похожа на ржавую арматуру — ещё бы, больше не канифолит по-чёрному, пьёт с Дэном только стимуляторы высшего качества. Типа, порядочная девица, с бойфрендом.

Прижала жеманно когтистые лапки к татуированным щёчкам.

— Ах, — говорит, — какой ужас. Мальчики, так же нельзя, надо же что-то делать, это же жестоко!

— Мида, — говорю, — ты, никак, уши сменила? Ишь, какие пушистенькие… очень тебе идут, — надо же сказать женщине приятное за добрые слова.

Мида зарделась.

— Всё ты замечаешь, солнышко, не то, что Дэн, — и Дэн мне кулак показал у неё из-за спины.

Я говорю:

— Надо что-то делать.

А Дэн говорит:

— Оставь его до утра в покое, утром что-нибудь придумаем.

Ну чего… утро вечера мудренее. Прикрыл я мозг крышечкой, чтоб ему лучше спалось, и сам отрубился. И вместо кассеты «сон-релакс» поставил себе «полный улёт», не хотелось снов никаких.

Утром они пришли вдвоём.

Дэн посмотрел на мозг и говорит неуверенно:

— Может, его выкинуть? Или сплавить на церебропротекторы?

— Сволочь ты, — говорю. — Представь себе, что с тобой так: стоят двое, решают, выкинуть тебя или нет, а ты даже пошевелиться не можешь. Это ж личность!

— А может, он псих, — говорит Дэн. — Может, он ненормальный какой-нибудь. У нормальных людей вот так мозг не тырят.

А Мида говорит:

— Кому нужны потроха психа? Нет, он был молодой, здоровый… Тело украли, а мозг на церебропротекторы везли. Знаете, что? Его нельзя так бросать. Надо придумать, где добыть ему тело.

Мы на неё посмотрели.

Дэн говорит:

— Ты чего? Чего это мы будем какому-то постороннему мозгу упаковку искать? Кто нам за это заплатит? На фига он вообще нам сдался? Может, он гад какой-нибудь — мы ему купим корпус, а он свалит нашими ногами и спасибо не скажет. Люди — знаешь, какие неблагодарные?

Я говорю:

— А что ты прикажешь с ним делать?

Дэн посмотрел на мозг — и вздохнул.

— Если бы, — говорит, — с ним сперва можно было поболтать о том, о сём… А то — вдруг он дрянь какая-нибудь?

Тогда Мида говорит:

— Он — несчастный, сам ты — гад жестокий.

И Дэн сдался. Не может, чтобы Мида его считала гадом жестоким.

— Ладно, — говорит. — Давайте на барахолку смотаемся и купим ему что-нибудь дешёвенькое. Мы, вроде, свободны сегодня, а мне всё равно палец нужен… Вот на фига вообще было этот мозг в дом тащить? Лежал бы, где лежал…

— Я думал, там печень, — говорю. И Дэн посмотрел понимающе, а Мида — укоризненно.

Мы завинтили контейнер, аккумулятор ему перезарядили — и поехали на барахолку.

Барахолка — местечко нелегальное. Её полиса гоняют-гоняют, но только разгонят — а через пару дней снова все в сборе. Выгодно потому что.

Местоположение у неё самое удобное. С одной стороны — городской морг и крематорий, с другой — комиссионка, где всякая электронная шняга и синтетика бэушная, а за этим за всем простирается городская свалка. Большей частью тут продаётся всякая грошовая мелочёвка: старая переферия, ношеная, уши, пальцы (это точно, только обычно — поюзанные пальцы), глаза — можно найти приличные, если поискать, но обычно — всякие поцарапанные линзы. Локационные системы, навигаторы, телефоны, приёмники вживляемые, всякие жучки, наноботы для сомнительных дел, чипы в любое место, всякие яркие и ненужные штучки, за пучок пятачок — ну, вы понимаете: цветные скальпы, рожки, хвостики, коготки со стереокартинками, вживляемые побрякушки… Торгуют свалочные бомжи, жучки, воришки, бабки, которые либо деда распродают по кускам, либо себя, наркоты и прочая шелупонь — но у них иногда попадаются любопытные вещицы.

Ясное дело: когда покупаешь за двадцатку стильный разъём

под спутниковую связь, в виде татуировки, ценой в стольник, не меньше — иллюзий не строишь. Явно с трупа тиснули. Но, если подумать, от трупа не убудет. Законная добыча санитаров, которые по соседству. Разве что дезинфекция требуется. Но, если бы не барахолка, простые работяги так и ходили бы, обвешанные громоздким, сто лет в обед устаревшим барахлом, которое в магазинах экономкласса продаётся по дешёвке.

Иногда видишь, как идёт такой, бедный и честный — а у него на башке, как у средневекового рыцаря, железяк приделано, аж перевешивает. Потом надо на шейные позвонки разоряться всё равно. Так что хоть какие принципиальные то и дело на барахолку шастают. Хочешь жить — умей крутиться.

Ну так вот.

Палец Дэну мы нашли тут же. Шикарный, почти новый — Дэн посмотрел маркировку материала и сказал, что вот бы себе всю кисть сделать такую. Но весь комплект целиком никто не предлагал — видимо, выгоднее по частям загонять.

Ходили, ходили… Мида рядом с любым торгашом останавливалась на полчаса: «Мальчики, смотрите, какие глазки!.. Ой, смотрите, какие клычки!.. Ой, Дэн, а купи мне новый вкусовой анализатор, а то мой уже старенький!..» Тормознули рядом со всякой дизайнерской прелестью; Дэн хотел Миде новую грудь купить, синтетика, но как настоящая — нет, ей своя нравится, с воспламенителями в сосках, как сентиментальная память… женщина! В общем, нам приходилось пробиваться сквозь мидину шумовую завесу, спрашивать, нет ли целого корпуса у кого-нибудь — но только один раз предложили модифицированного, очень красивого, кожа цвета металлик, синтетические сочленения, какая-то особо шикарная система ощущений. Новьё, выращенный без мозга, на продажу — фирменный, система «Суперклон». Я бы себе купил такой корпус — но запросили, как за звездолёт.

Уже около самого морга нас санитар окликнул. Даже не переоделся, на комбезе — адамова голова голографическая, сам — шикарен. В жизни не поверю, что на такую атласную морду с фирменными сканерами он себе честно заработал, таская каталки со жмуриками.

— Эй, — говорит, — ребята, мне тут шепнули, что вы упаковку для мозгов ищете?

— Есть? — говорю.

— Где ж, как не у меня, — ухмыляется. — Топить печку этими полешками — расточительно, нет?

Мида сморщилась.

— Фе! — говорит. — У тебя же — отходы…

А санитар, ехидно:

— Если вам нулёвая упаковка нужна, целиком натуральная, юная и прекрасная, то что ж вы в «Суперклоне» не закажете?

Подкусил.

Дэн говорит:

— Ладно, пойдём посмотрим. Лучше поюзанная упаковка, чем вообще никакой.

Он ухмыльнулся во всё хлебало — зубы керамические, в переднем резце — счётчик радиации в виде стразика.

Пошли.

Неприятно. С одной стороны, у них там криокамеры, всё культурно, но с другой — консервантами, дезинфекцией и гнильём не то, что разит, а, прямо скажем, пахнет. У меня обонятельные рецепторы настроены очень тонко, я проникся. Мида сморщила нос, а Дэн говорит:

— Давай, показывай уже, мы и так поняли, что ты у старухи с косой на побегушках.

А санитар осклабился, завёл нас в зальчик, где по столам был разложен всякий отработанный хлам, ношенный уже лет по восемьдесят минимум, и говорит:

— Щас я вам такой розанчик вынесу — обалдеете. За гроши. Спецназовец. Группа «Антитеррор». Герой. И, между прочим, ещё вполне годный — просто друзья ему на новый корпус скинулись. Сверхбыстрое клонирование, слыхали?

— Ага, ага, — говорю. — А старый он тебе подарил.

— Да ладно, — говорит. — Старый, вообще-то, подлежит утилизации, но жалко в крематрий, право слово. Лет тридцать, это не возраст. Роскошный, синтетические сухожилия, на них и сносу нет, позвоночник повышенной гибкости, а суставы…

И Дэн:

— Ну-ну. Послушать тебя, так он форменный танк — и непонятно, что это такой танк тут делает, почему не встал и не ушёл. Трепло ты.

Но Мида заинтересовалась.

— Мальчики, — говорит, — давайте посмотрим. Любопытно же.

— Ну, чего, — говорю. — Тащи.

Открыл холодильник, вытащил криоконтейнер. Мида говорит:

— Вот красавчик-то!

А он и точно — смазливый такой, бабам явно нравился. Ресницы в инее. Подбородок такой, скулы — одно слово: супермен. Мускулы, бицепсы, грудь колесом. А в груди — четыре дырки, в каждую можно палец засунуть.

Дэн говорит:

— Да ты что, опух? Его ж из автомата в упор приложили! Ты бы ещё пожарника предложил, который был — огонь, пока не сгорел в головешку!

Санитар ни грамма не смутился.

— А что, — говорит, — известно: профессиональная травма. Ему только и надо пару заплаток поставить и новый моторчик — всего делов. Тем более, что мозги у него уже и так вынуты — бери свои и пересаживай.

— Нам с дырками, — говорю, — и даром не надо. А новый мотор идёт дороже, чем этот дуршлаг. Пошли, ребята.

И мои повернулись к двери. А санитар загородил выход.

— Да ладно! Куда вы сразу — можно договориться! Я же вам его — почти даром! Он бы запчастями впятеро дороже обошёлся! А у меня ещё трансплантолог знакомый есть…

В общем, ясно. Надо сплавить, чем скорее, тем лучше. И странно, что на запчасти не разобрали — то ли не успели, то ли всё-таки поснимали всё, что оставалось ценного… вековечная история: божедому достаётся всё, что на жмуре осталось. Законная добыча.

Стали рассматривать — и точно. Переферию всю сняли, инфракрасный сканер вытащили, спутниковый телефон просто с мясом из виска выковыряли, фирменные полицейские глазки заменили дешёвкой какой-то… Хорошо, хоть потроха не тронули — хотя было что там трогать после четырёх пуль!

А санитар делал вид, будто продаёт упаковку с иголочки — и всё ему было нипочём. Ни стыда у людей, ни совести!

Мы вышли посовещаться. Пререкались полчаса; Дэн говорил, что на первое время бесхозному мозгу и такое тело сойдёт: «Вот ты бы стал привередничать на его месте?» — а я пытался донести, что мозг всё-таки штука нежная. Не годится его таскать, как портянку, и совать, куда придётся. Мида соглашалась то с ним, то со мной — в общем, в конце концов, мы пошли торговаться с санитаром.

И к вечеру мы этот дырявый корпус всё-таки купили. А что делать? Другие-то хуже! Не в полицию же было нести этот несчастный мозг — а вдруг он в розыске?

Если наш человек — то очень даже может быть… Во здорово — пожизненное в контейнере для органов! Вряд ли, думаем, полиса перед судом сунут этот мозг в какое-нибудь тело… Да если этот бедолага и не урка какой-нибудь, то что в полиции скажут! Задвинут куда-нибудь этот мозг и забудут про него думать.

А мы думали. В общем, мы чувствовали себя добрыми

самаритянами.

Никаких посторонних трансплантологов мы, конечно, обогащать не стали, — мало ли, что там ещё приспичит, — а погрузили мороженую тушу в кибертакси и свезли на нашу станцию техобслуживания.

Техник, Чико, потрясный парень, который нас всех по жизни штопал, посмотрел на тушу, на мозг — и говорит:

— Вы, парни, точно нанюхались нехорошего. Что вам Гекуба и что вы Гекубе? Где гуманизм гнездился…

А Дэн говорит:

— Мне всё равно надо было палец приделывать…

А Чико:

— Ну да. Вы меня хотите вынудить встать на уши и какие-то посторонние мозги в какую-то дырявую упаковку — я ещё не знаю, кто в неё стрелял! — вшивать на халяву! Ничего себе у вас запросы…

И тут Мида всхлипнула и начала излагать свою точку зрения. О том, какой это гнусный и бесчестный поступок — стырить чужое тело. О том, как бедный мозг страдает и мучается. О том, что бедный мозг — личность, что когда-то он был ребёнком и играл в киберкосмолётчиков, а потом вырос таким честным и доверчивым…

Чико сопел, слушал — и, в конце концов, сдался.

— Хорошо, — говорит. — С вас причитается. Ща посмотрим, что тут можно сделать.

И мы ему, натурально, пообещали. Оно в любом случае стоило того.

Руки у Чико вставлены в нужное место: генетический модификат, по восемь пальцев, вместо указательных — микрощупы, гиперчувствительность — плюс в правом глазу электронный микроскоп вживлённый, можно хоть молекулярную структуру рассмотреть… в общем, наш Чико стоит бригады техников и медиков. Сокровище. И с мозгом он провозился, кажется, целую ночь. Заштопал упаковку, — сердце нам негде было взять, поэтому Чико поставил самопальный протез, но отличный, — а потом вшил наш бесхозный мозг в эту садовую голову.

И мы со спокойной душой пошли по домам, а мозг, в смысле — теперь уже нашу хитрую конструкцию из спецушника и мозга — оставили у Чико. Чтобы потихоньку выздоравливал и приходил в себя.

Мы с Дэном его навещали. Он в дырявом корпусе прижился, как родной — уже через пару дней зрачки сокращались, а ещё через неделю начал подмигивать и улыбаться. Мы разорились на

наноботы для внутренней стимуляции, прикинули, что через месячишко-другой он встанет на ноги, и чувствовали себя, как его родители.

И вот, как раз в тот день, когда мозг, по моей прикидке, должен бы начать говорить и сказать, хотя бы, как его зовут, я собирался к Чико и слушал новости.

И вдруг передают криминальную хронику: «Интерпол по-прежнему разыскивает брачного афериста, обвиняемого в краже тел у своих невест. Злодей, обманом вынуждая несчастных девушек подписывать фальшивые брачные свидетельства, похищает их тела, оставляя мозг несчастных в общественных местах. Подобный метод совершения преступления формально не даёт возможности правосудию обвинить мерзавца в серии убийств. Единственный выживший мозг, пребывая в шоковом состоянии, отказывается от дачи показаний, поэтому пока поимка преступника не представляется возможной…»

Ох, ты, думаю, ничего ж себе… Следствие на единственно верном пути, господа…

Натурально, я тут же побежал к Чико, а у Чико прямо-таки столкнулся с Дэном.

— Слыхал? — говорит.

— Слыхал, — говорю. — Надо ж было так опростоволоситься… Ну, теперь бедная девочка нам задаст копоти… и правильно сделает. Даже заходить страшновато.

А Дэн:

— Да что, — говорит, — ей жить не хочется? Сам, небось, слышал: немногие из них так лихо выжили, как наша. Она только порадуется.

Ну что… Вдохнули-выдохнули. Зашли.

А она смотрит на нас синими глазами спецназовца и говорит:

— Парни, а вы что, бандюки? Если да, то есть дело.

И такая она была прекрасно спокойная, что у меня заныло сердце. Но шарик уже улетел.

Я говорю:

— А ты помнишь…

— Я оценила, — говорит. — Если я чего и не помню, так Чико мне рассказал. Я очень и очень основательно всё обдумала, голубь мой. У меня много времени было. И я бы тебя поцеловала при других обстоятельствах, а сейчас — считай, что жму руку.

Дэн, дубина, спрашивает:

— А ты красивая была?

Она криво усмехнулась — видать, мимические мышцы не прижились ещё — и говорит:

— Сейчас-то тебе — какая разница?

Дэн говорит:

— В полицию пойдёшь? — а она:

— А ты бы пошёл? — и я по его лицу увидал, что он очень и очень многое понял. Что она докажет? И какие права у мозга? Да ещё в стыренной упаковке…

Но взгляд у неё был прямой и отважный. И мне хоть и было жаль и грустно, но казалось, что всё правильно, несмотря ни на что.

Звали её Ирма. Мы собирались называть её Ирм, но она сказала, что ей больше нравится Рэм. И попросила себя не называть в женском роде. И представить её нашему боссу.

Сказала, что ей нужны деньги. Что она не любит быть должной и намерена в ближайшее время расплатиться по всем счетам. И я всё думал, что ей чертовски пошла бы совсем другая упаковка. Она была просто-таки девушкой моей мечты — и спецназовец её мозгу совершенно не шёл.

Но это я так думал.

А она быстро освоилась.

Когда мозг прижился окончательно, ей понравилось, как это тело двигалось. И вообще — понравилось внутри. «Я в нём, — сказала, — и вправду как в танке», — и сходила с нами в тир. Продырявила мишень ровно посередине, дунула в ствол и говорит:

— У меня и раньше был глазомер хороший.

Мида потом пыталась её пожалеть. В смысле — его. Не вышло.

Рэм оказался — кремень. И тут уж мы так и не поняли, то ли он, ещё будучи Ирмой, стал таким несгибаемым, то ли это гормоны спецназовца круто сработали. То ли опыт. С нашим боссом он договорился, квартиру снял, бриться научился — и взгляд у него был, как оптический прицел.

С нами Рэм расплатился в ближайшие месяцы. Я брать не хотел, а он нажал: «Всё, — говорит, — я теперь за счёт мальчиков в кафе не хожу». Пришлось мне заткнуться — не хотелось с ним ссориться. А он начал приводить в порядок свою упаковку. Мы думали, он будет мучиться из-за всякой девичьей блажи, но ни мужчины, ни сантименты его не волновали совершенно. Он, похоже, любовью был сыт по горло — со своим брачным аферистом.

В общем, мы как-то довольно быстро забыли, что он у нас был — девушка и терпила. Он себя вёл, как наш товарищ — а девушки нечасто бывают товарищами, как всем известно.

Но на Рэма вполне можно было положиться в чём угодно. По всему видать, он в прежние времена был деловой дамой, бизнес-

леди, так сказать — слишком хватка основательная, небось, только неземной страстью и можно было пробить. Но Рэм о себе не слишком распространялся. Он просто с нами работал, между делами — качался, ходил в тир пострелять, поменял глаза, поменял правую руку, лицо себе поменял, чтобы не опознал кто-то из знакомых спецназовца — и вообще вёл себя, как наш человек. Как совсем наш. Мы с Дэном, наблюдая это дело, решили, что от гормонов прежняя обманутая бедняжка из новой рэмовой личности пропала совсем. Он даже начал посматривать на женщин с совершенно подходящим к этому телу интересом. Правда, в отношения не рвался. Пуганая ворона куста боится…

В общем, нам казалось, что Рэм теперь — стопроцентный мужик и даже, кажется, об этом не жалеет ни грамма. Но я случайно узнал, что мы ошибаемся.

Я раз к нему зашёл по какому-то делу — любил у него бывать, вообще-то. Квартирку Рэм себе обустроил маленькую, но уютную: на обоях трёхмерный солнечный пляж, мебель удобная… всё-таки женский вкус, как-никак, чутьё. Захожу в комнату — а там обновка: на специальной такой подставочке для коллекционеров стоит контейнер.

Для органов. Без голограмм. Типичный незаконный трансплант.

И, судя по зелёному огоньку, не пустой. То есть, там, внутри… ясно, что там, внутри. На контейнере фотография стоит в кокетливой рамочке — манерная такая пусенька, дамский любимец, в кудрях и усиках, с тремя серьгами в ухе. Классическая фотка, «дарю сердечно, чтоб помнить вечно», оформленная цветочками-сердечками, на фоне неба, улыбаемся и машем…

— Ёлы-палы, — говорю, — Рэм, это то, что я думаю?

— Точно, — говорит. И улыбается нежной девичьей улыбкой. — Я-то на улице его бесценные мозги бросать не буду. Мне эти мозги дороги, как память, я их буду в шкатулочке для фенечек хранить и за кофейком любоваться. В серии убийств его нельзя обвинить… гниду… а я страдала-страданула… дура-баба…

И поглаживает контейнер пальчиком.

Гормоны гормонами, но мстят женщины гораздо изощрённее…